

В ГОСТЯХ У АВТОРА САМОЙ МОСКОВСКОЙ КАРТИНЫ

Меньшов - Алентова - Меньшова

При упоминании имени режиссера Владимира Меньшова наверняка услышите: «А, «Москва слезам не верит»! Но Владимир Валентинович вовсе не в обиде. Привык. Когда ему говорят: «я видел ваш фильм», сразу понимает - чаще всего речь идет именно о «Москве...», а не о картинах «Любовь и голуби», «Розыгрыш», не о последнем его фильме «Ширли-мырли». Да и чего же было бы обижаться? Фильм стал абсолютным рекордсменом проката: только за первый год его посмотрели 90 миллионов. Он прошел по многим странам мира и с успехом идет до сих пор.

В КИТАЕ, например, его минимум трижды в год показывают по телевидению. Наконец, за него Меньшов получил «Оскара». И это в застойные годы, когда «Оскар» был скорее знаком чего-то не совсем «нашего», благонадежного, а вовсе не столь вождельной и престижной для нас наградой, как теперь. «Оскара», правда, прибрало тогдашнее кинематографическое начальство. В дом Меньшова, где я встретилась с его семьей - женой Верой Алентовой и дочерью Юлей, он (не Меньшов, а «Оскар») попал недавно. И стоит себе на полке среди книг и сувениров. Обыкновенный неодетый мужчина, только золоченый. «Вендок» меньшовской режиссерской значимости в импортном варианте.

- Владимир Валентинович, а для вас и Веры Валентиновны «Москва...» тоже, как и для миллионов зрителей, любимое кино?

Он: Нет, я бы так не сказал. Больше того, мне кажется, что я вообще столько в нее не вкладывал, сколько зрители в ней почувствовали и «прочли». Но, конечно же, я люблю этот фильм, причем не за чисто режиссерские достижения - за соединение с той аурой, которая ее окружает. Какие письма мы получали! Скольким людям картина просто помогла в жизни! Особенно женщинам...

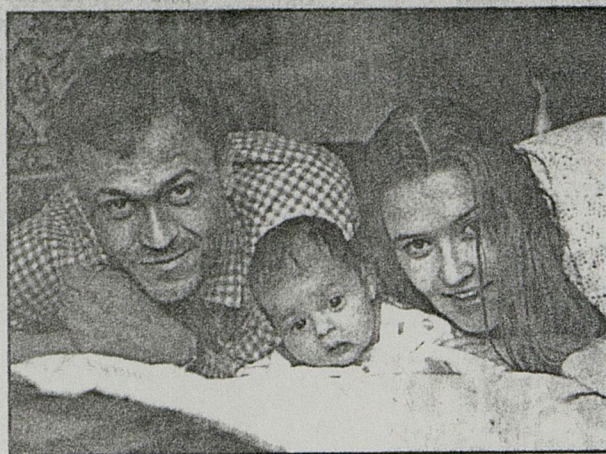
Она: Конечно, эта роль перевернула мою судьбу, принесла популярность. Но актрисой-то я какой была до нее, такой и осталась.

- Вы были единственной претенденткой на роль Катерины как супруга режиссера?

- Что вы! Можно сказать, я попала случайно. Володя предлагал эту роль прекрасным актрисам Ирине Купченко и Маргарите Тереховой, но как раз в то время обе были заняты другой работой и даже на пробы не смогли выехать. Вот и получилось, что я пробовалась вместе с другими, такими же неизвестными актрисами. И попала.

- Вы оба, сделавшие такой добрый, нежный фильм о Москве, сами ведь не москвичи? Было ли в ваших судьбах, судьбах мальчишки и девочки, попавших в столицу, как я понимаю, после школы, что-то сходное с судьбами персонажей фильма?

Он: Пожалуй, прямого сходства не было. Зато было другое - общая тональность любви, признания в этой любви, восхищения этим городом. Вы даже не можете себе представить, чем для нас провинциалов (я сам из Астрахани), была тогда, в 60-х, Москва! Это был фантастический город, город мечты. Просто съездить в Москву, побывать там хотя бы один день, даже поговорить с тем, кто там побывал, - это уже было событием.

Чувство заочной влюбленности в Москву у меня соединилось еще и с влюбленностью в кино... В итоге то, что я испытал, приехав на Павелецкий вокзал в 17 лет, и потом, придя на Красную площадь, можно сравнить разве только с тем, что я испытал много позже в Париже, глядя на Триумфальную арку.

Я учился сначала в школе-студии МХАТ, и это была удивительная, интереснейшая жизнь. Без устали ходил по театрам, посмотрел, наверное, спектаклей 300 за 4 года. А когда увидел однажды на троллейбусе надпись «Мосфильм», глазам своим не поверил: «Мосфильм» - это же должно быть где-то в горах, за тройными заслонами, там же небожители обитают! Я сел в тот троллейбус (он и сейчас там ходит) и приехал к проходной с надписью «Мосфильм». И увидел, как туда-сюда идут люди, показывают пропуска: обычная работа...

Так что хотя «Москва слезам не верит» в основном получилась «женская», но она вся проникнута вот этим моим собственным, личным ощущением человека из провинции, попавшего в столицу. Мы с Верой 10 лет жили по общежитиям, без прописки до 1972 года. Я вел записи для себя: какие-то словечки, детали, мысли. И все это в итоге, спустя столько лет, пригодилось в работе над фильмом! И, знаете, ту жизнь по общагам я бы не поменял ни на какую другую...

Она: Я много ездила с родителями-актерами по стране, но когда попала в Москву, тоже сразу поняла - это мой город! Я очень люблю Москву, скучаю по ней и, знаете, даже в Питере, в метро стараюсь вдыхать воздух, уловить запах московского метро, запах Москвы, но - нет, там он другой...

- А у вас, Юля, наверное, уже нет такого романтического ощущения родного города? Вы ведь уже коренная москвичка?

Юля: У меня к Москве такое... наглое отношение, как к своему. Но я помню до сих пор, как после очередных летних каникул возвращалась в Москву и каким все в ней казалось родным и одновременно необычным, другим. Я, конечно, не настолько патриотка, чтобы, скажем, отказаться поехать куда-нибудь поработать (поработать - сдела-

ем на этом акцент), но жить я могу только в Москве, только в России. Здесь мне хорошо, здесь мне не скучно, а для меня ничего нет страшнее скуки.

- Уйдя из театра и кино на телевидение, вы тоже руководствовали тем, чтобы не было скучно? Когда актрисой были - заскучали?

Юля: После школы-студии МХАТ, где я училась у Калягина (хотела учиться именно там, где родители),

поступила во МХАТ к Ефремову. По внешнему результату все складывалось благополучно: за четыре года были роли, фильмы... (Вера Валентиновна вставляет: - У нее фильмов больше, чем у меня...)

А внутренне я была недовольна. Наверное, актерство - не главное в моем характере, и в жизни тоже оказалось не главным.

- А что же главное?

Опередив, отвечает папа: «Лидерство».

Юля: Свое дело. К тому же мне просто интересно телевидение. Особенно сейчас, когда я не только ведущая в «Я сама», а руководитель программы.

- Вы сами не хотите выступить в роли героини собственной программы?

Юля: Нет. Я человек закрытый.

- Планов новой программы нет? Вдруг и здесь вам станет скучно? Или потянет на сцену, на съемки? Посниматься, скажем, у папы, поработать с мамой Катей, предложите есть?

Юля: Раньше часто предлагали, но поскольку я отказывалась категорически, то и предлагать перестали. Я из актерской про-

фессии ушла. А планы на телевидении... Они есть, но говорить о них я не буду. Я суверенна - в том, что касается творчества, работы.

- Это у вас семейное? Мама с папой тоже суверены в этом смысле?

Она: Я - да. О планах тоже ничего не скажу.

Он: А мне сначала нужно написать сценарий, понять, что я хочу снимать, а потом уже говорить о планах.

- А как родители отнеслись к «перемене участи» дочки?

Она: Я считаю, что, если человек столько времени проводит на работе, она должна быть любимой. Юля сейчас занята любимым делом.

Он: У меня в жизни был такой же этап, как и у Юли. Так что я вижу в том, что с ней произошло, некоторый повтор своей судьбы. Я закончил актерский факультет, один сезон отработал в Ставропольском театре. И все. Забыл об актерской профессии. До тех пор, пока, уже учась в Ромма на режиссерском во ВГИКе, не снялся в дипломной работе у своего друга. И снова полюбил актерскую работу, но только в кино. А Юля, думаю, в творческом смысле нашла себя именно на телевидении, а не в театре и кино. Она делает свое дело.

- Снимать кино сегодня - дело героическое?

Он: Нет-нет, это не так, если сравнивать с тем, что было раньше. Я получил громадное удовольствие от съемок последней картины. Впервые в жизни снимал без страха, что кто-то станет вмешиваться, давить, резать, корезить... Что кто-то придет смотреть материал и искать в нем крамолу. Вот считается, что у меня счастливая режиссерская судьба, а сколько в моих фильмах вырезали, не пропускали! В «Москве...» пришлось убрать целый кусок, который мне до сих пор жаль, - это было завершение судьбы хоккениста. Он «завя-

вшая, как они судорожно начинали раздеваться друг перед другом... Мне хотелось, чтобы был контраст между первой частью, где Катерина - девочка, и второй, где она уже зрелая женщина. В итоге в этой сцене есть такая грубая монтажная склейка, хорошо, что зритель не замечает. А когда я снимал «Любовь и голуби», вообще был приказом отстранен от картины, и ее уже сели переделывать на «Мосфильме» без меня. Тогда как раз начиналась борьба с пьянством, а у нас герой Сергея Юрского все время искал, где бы выпить.

Конечно, всего этого сегодня нет и в помине. Зато есть другой диктат, очень жесткий - диктат денег. Когда продюсер может запросто навязывать свои вкусы, даже актеров. Свою жену может предложить снять или сам сняться. Может заставить сценарий переписать.

- Но, несмотря на это, разочарования в профессии у вас все-таки нет?

Он: Есть. Некоторая насада есть. Понимаете, раньше, когда меня со всех сторон били наотмашь и критика, и коллеги, у меня всегда был главный аргумент: мои картины смотрели зрители. Прочту, бывало, какую-нибудь разгромную статью, а потом пойду в кинотеатр и смотрю свой фильм вместе со зрителями. Сейчас такой эмоциональной «подпитки» от зрителя нет. Зритель ушел в дома, дома смотрит кино, и учитывать количество людей, посмотревших твой фильм, невозможно.

- «Ширли-мырли», я читала, в 80 регионах шли, в ста копиях...

- А сколько зрителей их увидели - кто знает? Известно, что примерно вдвое больше, чем, скажем, американский фильм «Маска», который до этого был рекордсменом проката. Значит, если бы нормальная ситуация была с прокатом, картина собрала бы громадные деньги, и «Мосфильм» стал бы богатейшей

студией. А на эти деньги можно было бы запустить картин двадцать, в том числе и мою, новую. Но, я уверен, кому-то такое положение с прокатом наших фильмов выгодно. «Ваши фильмы смотреть не хотят» - уже не скажешь. Потому что в ответ услышите: «Так прокат же развалился!»

...Американский коккер Гаврюша был приглашен наконец в комнату, где мы беседовали и отку, да он был выворен. Загорелые хозяева, хотя и только что побывали в «Артеке» на фестивале и в Сочи, пока еще явно не пришли в себя, да еще в квартире ремонт... А работа уже ждет: у Юли - съемки очередной программы, у Веры Валентиновны открывается сезон в Театре имени Пушкина. Владимир Валентинович как временно самый свободный человек в этой семье

взялся подыскать в семейном альбоме вот эти фотографии в разные периоды жизни. В семье Меньшовых есть традиция: фотографироваться всегда вместе...

зал», но в итоге, приехав на дачу, опять напился. И становилось ясно, что это все, конец...

Была еще сцена сценария Катерины с Володей, которого играл Табаков, ее тоже велели «смягчить». Хотя это была ну никак не порнографическая сцена, просто она была очень чувст-